

Поэт для поэтов

Константин Васильев, «поэт для избранных, поэт для поэтов» (как сам он сказал о себе) родился в поселке Борисоглебский и 10 января мог бы отметить свой полувековой юбилей. «Константин Васильев – ярчайший поэт-романтик, о котором по справедливости, без преувеличения можно сказать, что он сжег свою жизнь на алтаре высокого искусства, принес ее в жертву Аполлону. Творчество было для него естественным состоянием бытия», – написал о нем профессор ЯГПУ Евгений Ермолин. Увы, поэт ушел из жизни слишком рано, в 2001 году. Юбилей друзья и близкие встречают без него. С читателями своими воспоминаниями о дружбе с Константином Васильевым и проведенных вместе студенческих годах делится Юрий Землянский.

Мне вспоминаются первые сентябрьские дни 1972 года, когда мы, новоиспеченные студенты, еще не прослушав ни единой лекции, поехали в колхоз на уборку картофеля. Мое внимание привлек молодой человек скромного, задумчивого вида, державшийся как-то обособленно и чуть скованно. Я отметил его вы-

Как мне кажется, он раскрывает некоторые черты Костиного характера. Дело было на практике. Наш преподаватель и я ушли ненадолго за чем-то в лес, и из мужчин в лагере оставался только Костя. В это время из ближайшей деревни на мотоцикле приехал пьянецкий здоревенный молодой мужик с ружьем для подводной охоты.

где нужно будет попытаться найти транспорт, да и есть ли он там? Все мы думали лишь об одном: как бы подобраться к хулигану и свалить его на землю.

Положение спас наш пожилой преподаватель – тихий интеллигентный человек. Видимо, от волнения он неожиданно спросил у пьяного детины, знает ли тот Миклухо-Маклая?! На какое-то время незадачливый рыболов потерял дар речи, а затем отборным матом ответил, что знает! А преподаватель, не давая ему опомниться, и уже чувствуя, что попал в «точку», стал говорить о том, каким мужественным, благородным, великодушным человеком был выдающийся путешественник. А дальше произошло странное: «рыболов» сначала разразился несусветной матерной бранью в адрес студентов, преподавателя и са-

интуитивно заставляло его уходить от жизненных штампов, шаблонных бытовых ситуаций. Разумеется, и мыслит Константин так же незаурядно.

Здесь же, в институте, начались первые опыты стихосложения. Сначала это выглядело у нас как легкая игра, дурачество: мы сочиняли какие-то безобидные рифмованные хохмы про наших сокурсников или преподавателей, но у Кости это получается лучше; рифмовал он легко, непринужденно, ему не составляло особого труда написать акrostих, который все же ограничивает возможности пишущего. С каждым годом его результаты в стихосложении были все лучше и лучше. Но ведь он еще и хорошо учился, серьезно занимался орнитологией, неплохо рисовал и играл в шахматы, и буквально запоем читал, читал!

У Константина была великолепная память, развитая логика, и на практических занятиях, семинарах он мог отвечать, почти не уча, вспоминая лекционный материал. На старших курсах института Костя прекрасно знал отечественную и западную литературу, имел научные работы в области орнитологии, специализируясь на хищных птицах. Последнее было отмечено ведущим специалистом в этой области профессором МГУ Галушиным. Кстати, иллюстрировал Костя свои научные работы сам. К окончанию института, насколько помню, сложилась двойственная ситуация: необходимо было сделать выбор, куда идти дальше – в литературу или в науку. Константин Васильев пошел в литературу, в поэзию.

Известно, что природа вещей двойственна: пойдя он в науку, уверен, что Костя состоялся бы как солидный ученый, но тогда блестящего поэта именно такого уровня и дарования, по-видимому, не было бы.

После окончания института наши с Костей пути разошлись. Однако, исключая самые последние годы, мы изредка переписывались, еще реже встречались, но за его судьбой я все же старался следить: читал его стихи и критические заметки, статьи о нем. Приходили вести из Борисоглеба от общих знакомых. Бытовая сторона жизни Константина была полна проблем, а творческий крест, который он осознанно взвалил на свои худенькие плечи, крайне тяжел, и меня всегда удивляло, сколь достойно Костя его несет, не проявляя при этом малодушия, никому не жалуясь.

Таким он был и в молодости. Константин старался идти по жизни гордо, не любил просить людей о помощи, стеснялся их беспокоить, совершенно не умел и не желал (самое главное) устраивать свое благополучие за счет других. На мой взгляд, он был благородным и гордым человеком...

Его судьба и ранний уход из жизни чрезвычайно типичны для талантливого российского поэта, типичны настолько, что напоминают бесконечно повторяющийся штамп, который в жизни так не любил этот неординарный, одаренный человек.

В этих моих строчках неуместны «избитые» фразы, но трудно или не умею сказать по-другому: Константин Васильев своей сложной, необычной, талантливой натурой оставил во мне навечно глубочайший след...

Юрий ЗЕМЛЯНСКИЙ.

разительные сине-серые глаза, в которых были ум, эрудиция и проглядывала, как мне показалось, легкая грустинка, или, что бывает сродни, осознание чего-то потаенного, глубокого. Это был Константин Васильев.

Говорят, первые, мимолетные впечатления часто оказываются значимыми, верными и точными. Во всяком случае, именно таким я запомнил Костю на всю жизнь. Общаться с ним мне было удивительно легко и приятно: блестящий ум, хорошие знания, особенно литературы, деликатность, скромность, интеллигентность сделали свое дело – постепенно мы сдружились. На протяжении многих лет между нами не было ни одной даже пустяковой ссоры.

В отношениях с людьми Константин был замечательно тактичен и сдержан, умел, когда это было нужно, держать дистанцию. Эти его качества, общность интересов, похожие взгляды на жизнь и ее проявления сближали нас все больше. В институте мы все пять лет сидели за одним столом, нередко вместе готовились к занятиям, а выезжая на природу, на практику, жили в одной палатке.

Хочу рассказать об эпизоде, участником которого я был.

Сначала он, надев маску, рывился в речке, надеясь загарпунить какую-нибудь рыбу, а когда ничего не вышло, пришел в ярость, стал сквернословить и приставать к нашим девушкам.

Константин, естественно, поспешил на помощь, и весь гнев пьяного хулигана обрушился на него. Но что мог сделать Костя против детины с гарпунным ружьем в руках, которое тот время от времени, ругаясь, наводил на него? Выход, видимо, был только один, и Костя им воспользовался. Он стал заводить с пьяницей отвлекающие разговоры, постепенно меняя тему, пытаясь сбить его с толку, чтобы тот отступился от девчонок. Надо сказать, Костя с честью справился с этой задачей до нашего прихода. Но и втроем мы не могли выдворить хулигана из лагеря. Он никого не подпускал к себе ближе, чем на полтора – два метра и постоянно переводил ружье то на одного человека, то на другого.

Как позже выяснилось, у всех у нас промелькнула одинаковая мысль: что если у пьяного дрогнет палец, лежащий на спусковом крючке, и гарпун сделает свое страшное дело? До ближайшей больницы километров двадцать, да около двух километров до деревни,

мого Миклухо-Маклая, которому «досталось», кажется, больше всех, но затем опустил наконец-то ружье, сел на мотоцикл и убрался восвояси.

Думаю, со стороны финал этой истории выглядел трагикомично. Остается лишь догадываться, что мог чувствовать скромный, уязвимый, где-то беззащитный Костя, находясь один на один с одуревшим от вина верзилкой. Но Константин повел себя как мужчина, он проявил внешнее хладнокровие, выдержку, не поддавшись страху и девушек в обиду не дал.

Константин, как это часто бывает у людей по-настоящему талантливых, не очень умел распоряжаться материальными ценностями, о чем, впрочем, совершенно не переживал, говорил, что все это вздор, мишура, не стоящая никаких волнений. Меня же тогда это несколько озадачивало. Позже я понял, что Костя благодаря своему таланту рано осознал, что именно в жизни думающего человека должно быть главным, а что вторично.

Вообще, полагаю, Константин на удивление рано разобрался в себе и в том, для чего он в этот мир явился. Видимо, по молодости он не мог абсолютно все точно определить словами, но что-то врожденное